

Наши тревоги и всемирная история

В настоящее время, когда наша тоталитарная система распадается на глазах и в муках рождается новое качественное состояние нашего общества - демократическая Россия, советские историки, социологи, философы оказываются в очень сложной интеллектуальной и психологической ситуации. На протяжении не только их жизни, но и жизни предшествующих двух поколений в обществе господствовала жесткая догматическая историко-философская схема - схема пяти формаций, создававшая ощущение, что история, место нашего общества в ней и наше место в этом обществе «в целом» понятны. Постепенно людей, «верующих» в эту схему, становилось все меньше. Но даже для тех, кто разочаровался в ней и уже не верил в нее, она создавала своего рода «психологический комфорт», ибо ее отрицание как бы само по себе структурировало мировоззрение: ясно, что - ложь, где - враг, с кем и с чем бороться. Прошедшая эпоха, таким образом, не благоприятствовала систематической позитивной историко-философской работе, и к перестройке мы пришли с очень четким недовольством нашей общественной системой, более или менее ясными общественно-политическими идеями (демократия, рынок и т. д.) и практически без каких-либо попыток систематического историко-философского обоснования этих идей. Между тем психологическая потребность в таком обосновании, в теоретическом осмыслении нашей ситуации и ее места в историческом процессе становится все более острой. Вопросы типа «что делать?», «кто виноват?», «куда идет наша страна?», «придет ли она, наконец, к демократии?», «является ли ее путь принципиально иным, чем путь других стран?» и т. д. обступают нас со всех сторон, приобретают небывалое личное значение. В этой ситуации возникает опасность схватиться за какое-то первое попавшееся решение, «заткнув» им историко-философскую пустоту (что в какой-то мере и происходит, когда надоевшие формулы «формации», «производительных сил и производственных отношений» и т. д., в которых все-таки есть «рациональное зерно», без какой-либо серьезной критики уходят из языка и заменяются также некритически принятыми формулами, в которых иногда вообще нет никакого смысла, например, «утрата пас-сионности»). Поэтому сейчас важной задачей является внесение какой-то системы в наши поиски. Нам надо не спешить с ответами, а прежде всего постараться ясно сформулировать и систематизировать вопросы.

На наш взгляд, все встающие сейчас перед нами историко-философские вопросы могут быть сведены к четырем группам, четырем основным проблемным комплексам.

1. Проблема закономерности всемирно-исторического процесса. Сейчас традиционная формула пяти формаций, согласно которой наше общество принадлежит к высшей формации, а США - к более низкой, вряд ли даже нуждается в критике. Но что же все-таки делать со всемирно-историческим процессом? Спасать ли старую формулу, «подправляя» ее (например, перенося социализм в отдаленное будущее или объявляя его уже победившим, но не у нас, а на Западе), или искать новую, но аналогичную формулу, поставив, например, капитализм на место социализма («Вперед, ко всемирной победе капитализма!»)? Или вообще отказаться от идеи единого всемирно-исторического процесса, его логики и закономерности?
2. Проблема демократического общества. Является ли наше стремление к такому обществу вдруг охватившим нас чисто субъективным стремлением, которое в конце концов может смениться каким-то другим, или переход к такому обществу - объективная потребность? Можем ли мы так никогда и не прийти к демократии, или мы обязательно придем к ней?
3. Проблема особенностей исторического пути России: в чем заключаются эти особенности, чем они объясняются, и самое главное - является ли исторический путь России модификацией общечеловеческого пути или путем принципиально отличным, ведущим «не туда», куда идут другие народы?
4. Проблема советской истории. Является ли эта история естественным продолжением российской, или же появление нашего строя объясняется действием внешних факторов, результатом стечения обстоятельств, исторических случайностей? Есть ли какая-то логика, закономерность этой истории? Является ли наша перестройка ее естественным результатом, или она тоже результат исторической случайности (как *deus ex machina* появляется хороший человек Горбачев)?

Ясно, что эти четыре группы проблем логически связаны друг с другом. Если мы, например, признаем, что исторический процесс вообще не имеет никакой упорядоченности и логики, тогда, естественно, мы должны признать, что наше стремление к демократии - просто вдруг охватившее нас стремление, которое может смениться каким-то иным. Если мы признаем, что Россия развивается по совсем иной логике, чем другие страны, идет «не туда», куда другие, значит, нам и не надо стремиться к демократически-правовым порядкам западного типа - они не для нас, нам не подходят и т. д. Попробуем, однако, разобрать эти группы проблем более подробно и найти, разумеется, не их решения, но хотя бы направление поисков и контуры возможных решений.

* * *

Самой основной проблемой, с которой сталкивается современный советский историк и социолог, лишившийся традиционной схемы, но пытающийся найти какие-то общие фило-софско-исторические ориентиры, является проблема логики всемирно-исторического процесса. Здесь его мысль бьется между двумя крайностями, двумя полюсами.

С одной стороны, человеческая мысль не может не стремиться найти какую-то логику и «упорядоченность» истории. Более того, такая логика, очевидно, есть, и она «нащупывается» нами. Ясно, например, что эпоха земледелия и скотоводства идет за эпохой охоты и собирательства, что обратного пути от земледелия к охоте и собирательству нет и что при земледелии возможны, а при охоте и собирательстве невозможны государство, письменность (а следовательно, литература, религии писания и т. д.). И также ясно, что современный уровень «производительных сил» логически вытекает из предшествующего, логически связан с определенным типом культуры и несет в себе потенции какого-то следующего за ним нового уровня и нового типа культуры. История - это история развития, движения вперед, а не история броуновского движения молекул.

С другой стороны, все более становится ясно, что неудача схемы пяти формаций - это не просто неудача данной схемы, которую после некоторого размышления можно заменить какой-то другой, что хотя логика исторического процесса явно есть, она также явно принципиально не может быть однозначна, не гипотетически определена, и схема пяти формаций не просто неверна, но принадлежит к уже ушедшему, «наивно-героическому» этапу развития общественных наук. Мы не можем не стремиться проникнуть в «смысл» истории, вычленить ее закономерные этапы, но любая наша попытка неизбежно будет лишь гипотезой, которая обязательно сменится другой.

Откуда же эта принципиальная невозможность однозначно, в духе формационной схемы, вычленить закономерные этапы нашего развития, несмотря на то, что вроде бы очевидно, что такие закономерные этапы есть? На наш взгляд, можно привести по меньшей мере три довода, говорящие о такой принципиальной невозможности.

Во-первых, это - уникальность человечества и незавершенность его развития. Определить место какого-то этапа в развитии мы можем, лишь зная цикл развития в целом. Мы знаем, что за детством следует юность, зрелость и старость лишь потому, что миллиарды раз люди проходили через этот процесс. Мы знаем, что из желудя вырастает дуб, а из головастика - лягушка только потому, что миллионы раз видели это. Но человечество - уникально. Других человечеств - нет. И, находясь «внутри» незавершенного процесса его развития, не зная конца процесса, мы, естественно, не можем определить, на какой стадии мы находимся. Мы видим какие-то этапы, но мы не можем сказать, является ли данный этап лишь «юностью» или уже «старостью». Не зная цикла развития в целом, мы «обречены» экстраполировать современные тенденции, которые также могут смениться какими-то совсем другими, как это происходит в развитии индивида. Более того, имея перед глазами уникальный и незавершенный цикл развития, мы «обречены» путать необходимым со случайным, как, наблюдая один-единственный дуб, мы никогда не могли бы сказать, является ли данное искривление ствола случайным, или же это - стадийная закономерность развития.

Второй причиной, по которой мы не можем однозначно определить этапы нашего развития, на наш взгляд, является то, что в основе его лежит человеческое творчество. Именно творчество, открытие нового, накопление знаний делают историю не просто калейдоскопом событий, хаотичной сменой появляющихся и исчезающих народов и культур, но процессом развития,

движением вперед. Между тем, хотя творчество имеет свою логику, открытия делаются не совсем беспорядочно и случайно, все же оно по сути своей неформализуемо и непредсказуемо. Мы можем, экстраполируя теперешние тенденции, с большой степенью уверенности предсказать, что раз мы полетели на Луну, мы, наверное, полетим и на Марс, и раз мы научились лечить разные болезни, то, наверное, научимся лечить и СПИД. Но это - не предсказание открытия, того принципиально нового, что оно несет, ибо такое предсказание логически невозможно - мы не можем, по попперовской формуле, знать сегодня то, что мы будем знать завтра. Но это значит, что сама основа нашей эволюции - то, что непредсказуемо в принципе, то, что по сути своей - неожиданно, неформализуемо.

С тем, что в основе нашей эволюции лежит человеческое творчество, связана еще одна логическая трудность определения закономерностей этой эволюции, вычленения ее закономерных этапов. В любом творческом акте, акте открытия нового есть внутренняя противоречивость. Открытие никогда не совершается человечеством в целом - оно всегда совершается индивидом (или группой индивидов, или несколькими независимыми друг от друга индивидами). Общечеловеческое в открытии не в том, что все его обязательно сделают (напротив, его можно сделать лишь в исключительных условиях, оно - дело одиноких гениев и особых обстоятельств, вплоть до яблока Ньютона), а в том, что, будучи сделано, оно становится обязательным для всех, оно «обречено на распространение». Закономерность движения вперед все время проходит через случайность открытия. Поэтому логика всемирно-исторического процесса - это именно логика этого процесса в целом, но не логика развития каждого отдельного общества.

Эскимосы в своих природных условиях не могли прийти к земледелию, а следовательно, не могли «прорваться» ко всей той массе открытий в самых разных сферах, которые совершили жившие в более благоприятных условиях народы, перешедшие к земледельческому хозяйству. В своих условиях эскимосы, очевидно, еще тысячи и тысячи лет жили бы так, как они жили. Вся логика перехода к земледелию, создания государства, письменности и т. д. вплоть до современной науки и современной демократии - это не логика их развития. Но тем не менее это логика общечеловеческого, т. е. в том числе и эскимосского, развития, ибо раньше или позже эскимосы были вынуждены встретиться с достижениями развитых цивилизаций, и они не могли не стремиться ими овладеть. И если сейчас в Гренландии действует эскимосское телевидение и эскимосский парламент, а у папуасов - папуасские газеты и парламент, это - демонстрация общечеловеческого значения и обязательности усвоения тех открытий (технических и социальных), которые могли быть совершены лишь в условиях, которых не было у эскимосов и папуасов, подчинения развития отдельных обществ логике общечеловеческого развития.

Человечество развивается не так, что все народы сами, своими силами и независимо друг от друга проходят через общие стадии, но так, что в определенных обществах возникают условия, при которых совершаются открытия, которые затем обязательно распространяются на все другие общества. При этом общество, в котором произошло открытие, получает на время известное преимущество, которое теряется при распространении открытия, а условия, благоприятные для новых открытий, могут возникать уже совсем в иных обществах. Письменность, государство, первоначальные математические знания, очевидно, не могли самостоятельно возникнуть в природных условиях Западной Европы. Они возникают в определенной природной зоне - в Египте, Месопотамии, Индии и Китае и распространяются из этих центров. В Европу эти новые знания приходят лишь относительно поздно и опосредованно, и изолированно, сами, очевидно, жители Британии или Скандинавии так бы и не пришли к ним. Но в великих культурных центрах Востока после раннего периода творческого порыва создаются крайне ригидные социальные и культурные формы, не способные к дальнейшему самостоятельному развитию, не дающие создавать новые открытия. Как дикари Британии не могли самостоятельно прийти к письменности и государству, так Индия и Китай, существуй они изолированно еще тысячи лет, скорее всего, так и не пришли бы сами к паровозу и электричеству. Эти новые открытия создаются как раз в западноевропейских странах, в которых не могло возникнуть первой группы открытий и которые затем приходят на Восток с пушками и ружьями, паровозами и железными дорогами, газетами и парламентом и т. д., заставляя Восток усвоить эти новые и также имеющие общечеловеческое значение открытия, причем в процессе усвоения Япония, например, в конце концов обгоняет своих европейских учителей, как в свое время европейцы обогнали Азию.

* * *

То, что развитие совершается через уникальные акты человеческого творчества, через открытия, которые затем с неизбежностью распространяются, становятся всеобщей принадлежностью, на

наш взгляд, создает основу для понимания современного всемирного процесса демократизации (и в частности нашей перестройки).

Дело в том, что тот комплекс ценностей и институтов, который входит в понятие современного демократического общества (современная свободная наука, не знающая идеологических ограничений и не признающая догматических истин, соответствующее потребностям развития такой науки общество, также не признающее догм, монополии на истину и фиксированных статусов, со свободной экономикой, постоянно перестраивающейся по мере внедрения новых научных открытий), мы, очевидно, можем понять как своего рода открытие, но больших масштабов, чем любое частное изобретение. Это изобретение социальных условий, необходимых для постоянного совершенства все новых и новых открытий, изобретение общества, не просто дающего простор творчеству, но устроенного так, чтобы давать простор творчеству.

Как любое открытие, открытие современного демократического общества сочетает в себе уникальность возникновения и обязательность усвоения. Современное демократическое общество возникает в определенном месте - в Западной Европе, прежде всего протестантской, и в определенное время (основные его принципы закладываются в XVII веке), в результате уникального стечения культурных и социальных обстоятельств, и мы можем лишь предполагать, что «не будь» Западной Европы, может быть, когда-нибудь где-нибудь люди пришли бы к современному демократическому обществу, как не будь Ньютона, когда-нибудь кто-нибудь открыл бы закон Ньютона. Но, будучи совершено, открытие ведет к цепи закономерно вытекающих из него следствий. С одной стороны, постепенно делаются логически вытекающие из него выводы. (Если ценность индивида не зависит от фиксированных статусов и ни у кого нет монополии на истину, значит, бедные имеют такое же право голоса, как и богатые, значит, черные имеют те же права, что и белые, женщины - что и мужчины и т. д.) С другой стороны, «открытие» демократического общества постепенно усваивается всеми обществами (как разводиться лошадей или коров стали все народы, а совсем не те, кто впервые приручил и одомашнил корову и лошадь, как алфавит или иероглифы усвоили все, а не только те народы, где возникли эти гениальные изобретения).

Разумеется, процесс усвоения принципов современного демократического общества неизмеримо сложнее, чем процесс усвоения какого-либо частного открытия. Усвоение любого открытия требует определенных знаний и навыков, определенной адаптации, но демократия требует полной культурной, психологической и социальной перестройки общества, и ее выгоды, с другой стороны, неизмеримо более отдаленные и менее очевидные, чем выгоды какого-либо частного изобретения. Но современные демократические общества, создавая условия для человеческого творчества, порождают поток частных открытий, которые другие общества не могут не стремиться усвоить в силу их очевидной полезности и в силу того, что усвоение их становится необходимым для выживания, сохранения самостоятельности. Однако такое усвоение частных открытий в конце концов с неизбежностью ведет к попыткам усвоить и сам социальный и культурный механизм порождения этих открытий. Феодалный монарх может стремиться только к ружьям для охраны своей власти и своего традиционалистского строя. Но за приобретением ружей следуют попытки их создать самим, а затем все новые и новые технологические, культурные и социальные новшества. Каждый раз они могут вводиться лишь для укрепления и спасения традиционного строя, и каждый раз они все более подрывают его. Возникновение динамичных современных обществ Западной Европы становится, таким образом, вызовом для всего человечества, принципы, на которых они основаны, становятся как бы энтелехией развития любого человеческого общества, которое только тогда может достичь стабильности и «успокоиться», когда оно действительно усвоит эти принципы, перенесет их на свою почву.

При этом движение к современной демократии нельзя понимать как движение от «плохого» к «хорошему», как движение человечества к счастью (как не было движения «к счастью», перехода от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству и от племенного строя к государству).

Его скорее можно сравнить с движением индивида к новой возрастной категории, от детства к юности, от юности - к зрелости. Нормы современной демократии - это как бы нормы взрослого мира, которые так же необходимо усвоить и так же трудно усвоить, как юноше необходимо и трудно стать взрослым. Усвоение этих норм - обязательно, но это - мучительный процесс, связанный с преодолением трудностей, с невротами, страхами. Достижение взрослой нормы - счастье, и как юноша счастлив, когда он чувствует себя взрослым, доказывает себе и другим свою зрелость на деле, так для нашей страны было бы счастьем стать современным развитым демократическим обществом. Но если переход к зрелости, избавление от ощущения своей

«приниженности», «неполноценности» - счастье, то сама по себе взрослость - не счастье. Это - новые трудности, новые опасности, новая ответственность. Взрослый не счастливее ребенка, наоборот, он может с ностальгией вспоминать о своем «золотом детстве». Но вернуться в него он уже не может. Также современное американское или французское общество не счастливее средневекового и даже вряд ли счастливее нашего. Просто это - общество на следующем этапе развития, на следующей ступени движения, закономерность и направленность которого мы ощущаем, но конечная цель которого для нас сокрыта. И как пришедшие к современной развитой демократии уже не могут вернуться назад, к «детству», так еще не пришедшие к ней не могут в конце концов к ней не прийти, пусть ценой многих неудачных попыток, нервных срывов и приступов отчаяния.

На наш взгляд, это - то, что нам надо очень четко понять. От демократии нам все равно не уйти, и срыв теперешней попытки будет означать лишь то, что через некоторое время придется делать новую.

* * *

Из вышесказанного вытекает, что наше стремление к демократии, выражением которого является наша теперешняя «перестроечная» демократизация, - не просто охватившее нас стремление, которое может смениться другим. Современное демократическое общество - не только наша субъективная цель, но и объективная цель, энтелехия нашего развития, как оно является энтелехией развития всех обществ, столкнувшихся с «вызовом» демократии. Но хотя наше стремление к демократии и наше движение к ней - проявление общечеловеческой закономерности, общечеловеческого процесса «взросления», формы, в которых оно осуществляется, - специфические для нас. Они объяснимы не из общечеловеческой логики развития, а из особенностей нашей национальной культуры.

Если сравнивать процесс усвоения норм современного демократического общества с процессом «взросления» индивидов, усвоения «взрослых норм», то мы можем сказать, что процесс создания демократического общества так же по-разному проходит в разных обществах, как по-разному у разных индивидов проходит процесс их развития, который идет в одних случаях легче и проще, в других - связан с преодолением колоссальных трудностей, причем трудностей принципиально разных. Как для одного индивида особые трудности связаны с половым созреванием, а для другого - с усвоением математики, так для разных обществ особо трудными могут быть разные аспекты современной демократии. Для Китая с его конфуцианской традицией, например, нет особых проблем с достижением высокой социальной мобильности, но зато крайне сложно прийти к политическому и идеологическому плюрализму. Напротив, для Индии проблемы совсем иные. Здесь всегда была очень высокая степень мировоззренческой терпимости и плюрализма. Но зато она сочеталась с крайне труднопреодолимой системой жестких кастовых перегородок. При этом надо подчеркнуть, что, хотя трудности разные и по масштабам, и по характеру, они есть всегда, и путь к демократии практически везде, кроме очень немногих стран, долгие и залитые кровью (нам, что вполне естественно, свойственно преувеличивать мучительность и трудность нашего пути).

Как особенности взросления индивидов связаны с их разными характерами, порожденными обстоятельствами их рождения и прохождения ими предшествующих ранних стадий развития, так особенности процессов демократизации связаны с устойчивыми различиями культур, возникшими задолго до начала процесса демократического развития, в ходе самого их зарождения и становления, которые по отношению к этому процессу демократизации предостоят как «данность», как тот материал, который должен быть «переработан». Выяснение особенностей нашей, русской культуры, влияющих на специфические формы нашего процесса перехода от традиционного к современному демократическому обществу, и факторов, определявших эти особенности, для русских советских историков - не только просто интересная научная проблема, но и проблема, имеющая колоссальное культурно-воспитательное значение, ибо для того, чтобы выполнить задачу, надо осознавать не только специфику самой задачи, но и нашу собственную специфику, трудности, которые связаны с нами самими.

Это - громадное поле для всякого рода исследований. Тем не менее кое-что ясно уже сейчас. Например, ясно влияние на характер нашей культуры религиозного выбора православия, свершившегося на заре нашей истории. Особенности именно православного варианта христианства, как это было видно еще Чаадаеву и как это становится лишь более четко видно в ходе дальнейших исследований, предопределили относительную культурную отсталость, большую традиционность русского средневекового общества. С другой стороны, эти же особенности

способствовали становлению централизованного самодержавно-бюрократического государства. Разумеется, влияние на нас оказали и многие другие факторы - географического характера, особенностей внешнеполитической истории и многое другое. Но так или иначе Россия столкнулась с вызовом Запада как общество, уже обладающее определенным, устойчивым характером, - очень отсталое и традиционалистское, очень централизованное и бюрократическое, со слабой и неразвитой сословной структурой и очень гордое (единственное православное царство, «Третий Рим»), и пыталась справиться с этим вызовом так, как это диктовалось данным характером.

Реформа Петра I (с его стремлением заимствовать европейскую технику, прежде всего военную, «русификацией» желанием перенести на русскую почву внешние формы западной жизни и одновременно - при полном непонимании глубинного источника восхищавших его западных изобретений - окончательным удушением тех очень слабых общественных сил, которые в какой-то мере противостояли самодержавию и могли бы служить основой для создания демократических институтов) представляла собой реакцию на вызов Запада, естественную, нормальную для такого культурного организма, как Россия, обусловленную нашим «характером» и, в свою очередь, обусловившую особенности нашего последующего развития, вплоть до нашей революции и современной ситуации. Реформы Петра создают крайне противоречивую культурную ситуацию, подробно анализировавшуюся в славянофильской литературе, достижения которой в сфере познания специфики нашей культуры громадны и еще не усвоены советской наукой. Они открывают Россию европейскому знанию, частично освобождая культуру от оков традиционализма, но одновременно ведут к резкому культурному разрыву верхов и низов общества и надолго консервируют самодержавие. В то время как континентальная Западная Европа в XIX веке в серии кровавых революций шла к демократическим институтам, мы пребывали в спокойствии «застоя», в той видимой стабильности, которая на самом деле была стабильностью котла, в котором все более накапливается пар, делающий неизбежным громадной силы взрыв. За стабильность самодержавной России в XIX веке нам пришлось расплачиваться в XX веке нашей кровавой русской революцией.

Как и петровская реформа, эта революция была объективно шагом на пути к усвоению демократических принципов и ценностей современного демократического общества. Но, как и петровская реформа, она не могла, в силу наших культурных особенностей, породить саморазвивающиеся демократические институты. Нам для их создания был нужен значительно более высокий культурный и социальный уровень, чем он был в 1917 г. и чем он требовался для создания таких институтов в странах с иной культурной традицией.

* * *

В истории общества, как и в биографии индивидов, мы должны стараться различать то, что идет от характера данного индивида или общества, и то, что связано с внешними обстоятельствами. В каждом поступке индивида, каждом историческом выборе нации есть и то и другое. Наша революция 1917 года, приведшая к установлению нашей идеологически-политически-социальной системы, также есть порождение и нашего «характера», и обстоятельств.

Разумеется, победа революции именно в 1917 году и именно под марксистско-ленинским знаменем - результат стечения обстоятельств. Вполне возможно, что мы пропустили в XIX - начале XX века целый ряд шансов более мирного развития, которые теперь так привлекают внимание историков (восстание декабристов, «конституция» Лорис-Мелькова, столыпинские реформы). Может быть (об этом мы думаем значительно меньше), мы «пропустили» и какие-то шансы более кровавого развития (например, крепостное право могло быть отменено не в 1861 году, а значительно позже, что могло привести к еще более дикой и страшной революции).

Не будь войны именно в 1914 году, революции в 1917 году не было бы, а позже она, возможно, прошла бы под каким-то несколько иным идейным знаменем, и т. д. и т. п.

Но одновременно это - наша революция, порожденная нашей культурой. В странах с такой культурной традицией, как Англия, США или Нидерланды, такая революция была бы в принципе невозможна. У нас же к ней толкали мощные силы, связанные с нашими внутренними культурными факторами: культурный разрыв низов и верхов общества, «западническая» ориентация интеллигенции и ее порожденное опять-таки спецификой нашей культуры стремление не просто догнать Запад, а перегнуть его, сделать Россию путеводной звездой для всего мира, косность политической и идеологической структуры, делающая очень маловероятным, практически невозможным эволюционный путь развития, архаическое сознание народных масс,

которое могло воспринять революционную идеологию лишь в квазирелигиозной форме. Могли быть иные варианты развития, может быть, менее кровавые, может быть, и более, но представить себе, что не будь 1917 года, Россия развивалась бы спокойно, быстро и сейчас была бы чем-то вроде США, практически невозможно. Можно жалеть о Серебряном веке русской культуры, но нельзя не видеть, что оборотной стороной этой культуры была архаическая «культура» героев Платонова, тех 80 % неграмотных и полуграмотных, неизбежный подъем которых должен был смести прекрасную культуру элиты. Именно такая революция не была неизбежной, но она была очень вероятной, а «нечто в этом роде» было неизбежным, вытекало из самой природы нашего общества.

Тем не менее анализ нашей советской истории уже не может исходить только из особенностей русской культуры, русского национального развития. Победа революции означала введение в действие принципиально новых закономерностей - закономерностей нашей, основанной на догматическом революционном марксизме идеологически-политически-социальной системы. Эта система обладает своей логикой, независимой от особенностей воспринявшего ее общества, своим циклом развития, со своими юностью, зрелостью, старостью и смертью (между прочим, это прекрасно видно из сравнения истории двух стран с очень разной культурой, но воспринявших эту систему и развивавшихся практически независимо друг от друга, - СССР и КНР).

Анализ этих закономерностей - это опять-таки громадное и совершенно неразработанное поле исследования. Тем не менее, на наш взгляд, ясно, что закономерности эти во многом - своеобразная модификация общих закономерностей становления и функционирования религиозно-догматической системы, идущей от стадии секты к стадии монополюсному господствующей в обществе церкви, полностью определяющей все стороны жизни общества. Такой стадии мы достигаем при Сталине, когда наша система приобретает законченный и классический характер. Но уже на этой стадии начинает вырисовываться кризис системы, не способной создать такого прочного общества, какое создавали традиционные религии. Во-первых, она не может остановить развитие производительных сил общества, а, напротив, активно стремится к развитию науки и техники, необходимой и для борьбы с внешней угрозой, и для реализации своей программы построения земного рая. А это значит, что в обществе продолжается изживание элементов с традиционалистским и догматическим сознанием, рост социальных слоев, которым свойственна более высокая культура и более критическое сознание, все более вступающее в противоречие с идеологическими догмами. Во-вторых, в отличие от традиционных религий наша система обещает не загробное воздаяние, а построение земного рая и, следовательно, делает предсказания, все более заметно вступающие в противоречие с реальностью. Таким образом, одновременно растут и противоречия между системой и реальностью, и социальные слои, способные увидеть эти противоречия.

Отсюда - болезненность и кратковременность периода расцвета системы, в которой сразу же после смерти Сталина отчетливо начинают проявляться признаки «старости», утраты той живой веры, которая составляла ее «душу», ее «витальную силу». Ибо хрущевская «либерализация» связана не со стремлением к демократии (его еще не было), но с усталостью и правящего слоя, который уже не может выносить далее чудовищного напряжения сталинского террора и «строительства социализма», а затем «коммунизма», и народа в целом. В хрущевской «либерализации» был еще один компонент, который потом в какой-то мере сказался и на сегодняшней перестройке. Это марксистская «реформация», движение от окостеневшей догмы к более живому, допускающему разные интерпретации первоисточнику идеологии - движение, закономерное для развития всех религиозно-догматических систем. Но роль такой «реформации», на наш взгляд, у нас относительно невелика. Переход от эпохи Хрущева к эпохе Брежнева - развитие той же тенденции. Система погружается в старческий маразм. Правящий слой думает лишь о «красивой жизни» - дачах, машинах, поездках за рубеж. Идет постепенная «либерализация», но эта «либерализация» - не сознательное движение к демократии, а скорее прямое продолжение коррупции и олигархизации, доброта, порожденная старческим бессилием. В народных массах также усиливается разложение и вместе с тем растет озлобление, зреют «гроздь гнева». И одновременно - растет интеллигенция, растет культурный уровень народа. Мир платоновских героев, варваров - завоевателей империй, принесших с собой «ночь Средневековья», уходит в далекое прошлое, и хотя тоталитарный «варварский» потенциал общества исчерпан, может быть, еще не полностью, его, во всяком случае, стало неизмеримо меньше. Система стареет и умирает, но общество, нация - «взрослеют», в них зреют силы для новой, уже со значительно большими шансами на успех попытки достичь демократической «нормы» современного мира. Это уже не то общество с 80 % неграмотных, которое в 1917 году могло выдержать только девять месяцев демократии.

Революция не была «локомотивом истории». Но она и не была «провалом в истории», регрессом. Развитие шло «через нее» и «через» последовавший за ней цикл жизни порожденной ею системы. Этот цикл одновременно представляет собой определенный этап и определенную форму, в которой проходил этот этап, нашего развития.

* * *

Из сказанного выше вытекает, что перестройку можно рассматривать в трех различных контекстах, трех разных «логиках».

Во-первых, в контексте советской истории. В этом контексте перестройка - заключительный этап жизни нашей тоталитарной системы, переход от обозначившегося после Сталина «старения» к агонии смерти. Перестройка доводит до логического конца ту тенденцию к «либерализации» и «компромиссам с реальностью», которая обозначилась еще в 50-е годы, и переводит ее в потенциально новое качество - в сознательное отвержение нашей тоталитарной системы в целом и в борьбу за построение нового, демократического общества.

Эти два момента - отвержение нашей тоталитарной системы и борьба за построение демократического общества - требуют рассмотрения перестройки в другом контексте - уже не советской, а русской истории, для которой советский период - лишь этап и эпизод.

Здесь место перестройки неопределенно и двойственно. Разбудив силы, тотально, «тоталитарно» отвергающие нашу тоталитарную систему, силы революции с «обратным знаком», перестройка может оказаться еще одним относительно недолгим демократическим эпизодом, который окончится новой диктатурой (на этот раз, очевидно, «романтически-реакционной»). Тогда нам предстоит еще одна, надо надеяться, уже окончательная борьба за демократию. Но перестройка может быть окончательным переходом к «взрослому», демократическому обществу уже сейчас. В пользу этого говорит очень многое, и прежде всего - та объективная «зрелость», которой достигло наше общество с 1917 году и которую оно демонстрирует сейчас, показывая неожиданную для многих (и «внутренних», и иностранных наблюдателей) готовность к демократии и слабость тоталитарно-экстремистских течений. В пользу этого говорит и внешняя, международная ситуация. В 1917 году еще никак нельзя было говорить о победе демократии не только в общемировом, но и в общеевропейском масштабе. Сейчас же демократия - не только в Европе, но в Индии и Непале, Филиппинах и Египте. Мы явно «отстаем», и пример всего мира давит на нас. Но победит ли демократия у нас уже сейчас, или нам предстоит еще один тоталитарный «спазм», перестройка - один из великих эпизодов нашей истории (как реформа Петра, освобождение крестьян в 1861 году, революция 1905 года, революция 1917 года), смысл и логика которых - движение нашей страны к зрелому демократическому обществу.

И, наконец, в-третьих, в общечеловеческом историческом контексте перестройка - одна из бесчисленных форм, в которых разные страны, преодолевая разные трудности, выходят к современной демократии, являющейся в конечном счете такой же неизбежностью, как для индивидов неизбежно наступление нового возраста с его новыми нормами, проблемами, тревогами.